

УДК 930.2

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЭДУАРДА ГИББОНА
И ПРОБЛЕМА ПОЛИТЕИЗМА**

В. И. Шувалов

*Доктор исторических наук, профессор,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EDWARD GIBBON'S
HISTORICAL VIEWS AND THE PROBLEM OF POLYTHEISM**

V. I. Shuvalov

*Doctor of Historical Sciences, professor,
Penza State University, Penza, Russia*

Summary. The article analyzes Edward Gibbon's view from the angle of social and psychological aspects of his studies. The article draws attention to the features of historical process in the interpretation of the scientist, to the problem of the spiritual foundation in society, to self-organizational aspects of complex social systems. The role of polytheism is described in the above context. Polytheism problem is characterized using Gibbon's interpretation. Reasons for the historical decline of spiritual systems are examined based on polytheism.

Keywords: Edward Gibbon; historical process as a complex system; the subject of historical process; spiritual foundation of society; social and psychological organization of the individual; polytheism as «the first» form of the ancient world's religion; reasons for the historical decline of polytheistic systems.

В рамках данной статьи мы продолжим свой анализ теоретических проблем, связанных с осмыслением развития духовной стороны человеческой истории [22; 23]. Тема эта настолько многоплановая, что нуждается параллельно и в учёте междисциплинарных проблем [10], и в дальнейшем развитии фундаментальных научных установок, уже сформулированных учёными ранее [19]. Один из аспектов анализа накопленного наукой материала позволяет, по нашему мнению, подойти и к проблеме самоорганизации сложных социально-исторических систем. Тема эта – проблема стабильности сложных социальных агрегатов – с каждым годом становится всё более актуальной. И хотя на практике – в рамках выбранного варианта индустриального развития общества – её решить пока не удаётся, однако есть возможность проанализировать алгоритмы её решения в научных интерпретациях прошлого.

Здесь в центре нашего внимания – Эдуард Гиббон (1737–1794) [12, с. 8–18], один из известнейших и оригинальных мыслителей Нового времени. Традиционно его личность относится к выда-

ющим представителям английского Просвещения. Всемирную известность ему принесла многотомная работа «История упадка и разрушения Римской империи», впервые опубликованная в 1776–1788 годах (Gibbon E. *History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. 1–7. – L., 1776–1788).

Традиционно считается, что этот труд содержит подробный обзор истории Римской империи со II по V столетие, а затем историю Византии, вплоть до её падения в XV веке. Изложение политической истории учёный сопровождал обширными экскурсами в области античной и средневековой цивилизаций. Распространена точка зрения, что работу определяют идеи негативного воздействия христианства на античное общество и государство, с этой установкой связана и идея застойного характера византийской государственности и т. д. Это отмечали в своих работах ещё Е. А. Косминский [13, с. 247–248] и Н. А. Ерофеев [9, с. 75–76].

Сама фундаментальность работы, её вклад в развитие исторической науки оцениваются очень высоко. Так, известнейший византист И. Ф. Мейендорф,

констатируя отсутствие динамики в развитии культуры и цивилизации Византии, фиксировал диапазон научных мнений именно от «планки Гиббона»: «Со времён Гиббона историки указывают на косность общественного строя, скудость творчества в научно-технической сфере, сакрализацию представлений о государстве как на главные недостатки византийской действительности» [14, с. 8].

В итоговой работе «Просветительское движение в Англии» (1991) констатируется, что Э. Гиббон – профессиональный историк. В своем главном труде, продемонстрировав «серьёзный уровень и высокий профессионализм», он «негативно оценивал идейное воздействие раннего христианства на историю позднеримского общества» и исследовал «именно политическую историю Римской империи» [18, с. 146, 148, 149–150, 153].

Х. Л. Борхес, с одной стороны, и говорит о работе «История упадка и разрушения Римской империи» как о «литературном произведении», но, с другой стороны, отмечает, что непреходящую ценность имеют как раз «представления» «английского дворянина XVIII века» [1, с. 392–393], то есть особенности восприятия прошлого самим Эдуардом Гиббоном.

В таком контексте, как нам кажется, в дальнейшей интерпретации идей учёного заметен определённый стереотип, что ограничивает значимость его работы с точки зрения общей методологии.

Историография проблемы позволяет утверждать, что выбранная для осмысления проблематика по-прежнему актуальна. Даже беглый анализ позволяет отметить, что, с одной стороны, историческим взглядам Э. Гиббона уделялось достаточно внимания в англоязычной историографии всеобщей истории [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33], с другой стороны, историко-психологическая проблематика занимала в рамках этого анализа очень мало места.

Характеризуя общую динамику восприятия проблемы, сошлёмся на мнение И. И. Шарифжанова в отношении историографии Британии рассматриваемого периода. «К концу XX столетия, – констатирует учёный, – борьба

«старых» и «новых» путей в британской историографии утратила свою актуальность, уступив место новым методологическим коллизиям, связанным с появлением постмодернистской философии и теории истории» [21, с. 190]. В таком контексте озвученная проблематика не является центральной.

В современной отечественной историографии всеобщей истории взглядам Гиббона уделено специальное внимание в работах Б. С. Попова, Э. Д. Фролова, Н. А. Яснитского, С. Н. Камнева.

Не касаясь биографических аспектов анализа феномена личности Э. Гиббона, отметим только, что Б. С. Попов обращает внимание на традиционную множественность причин падения Рима в интерпретации Э. Гиббона, в том числе «упадок политеизма», но в целом отмечает, что «многие положения работы Гиббона устарели с точки зрения современного уровня исторической науки» [17, с. 92, 188, 193]. Э. Д. Фролов упоминает в качестве одной из проблем, интересующих Э. Гиббона, «рост глубинных мистических настроений» [20, с. 5].

В работе Н. А. Яснитского «Проблема падения Римской империи. Эдуард Гиббон» (2002) тема рассматривается в социальном аспекте. Анализируются проблемы «идейных течений», «социальной борьбы», собственно «причин» падения Римской империи. Рассмотрение идёт в социально-экономической плоскости: кризис института церкви по Гиббону интерпретируется в контексте кризиса церковной иерархии, стабильность общества соотносится с соответствием системы управления и материальными интересами различных социальных сил, проблемами собственности и т. д. [24, с. 158, 171, 200, 229–230]. В итоге Н. А. Яснитский констатирует: «В целом, все эти особенности рассмотрения такого влиятельного идейного течения, как христианство, более связанного не с философско-моральными, а с социальными и экономическими процессами, и позволили Гиббону поставить вопрос и о роли христианства в упадке Римской империи»; в качестве одной из «важных» причин распространения христианства в интерпретации Гиббона и упоминается «упадок политеизма» [20, с. 171, 143].

В заключение заметим, что можно согласиться с автором по поводу того, что анализ Гиббона выходит далеко за рамки просветительских идей и он гораздо оригинальнее.

С. Н. Камнев в диссертации «Историческая концепция Эдуарда Гиббона» (2010) видит концепцию развития Римской империи в воздействии на эту систему внутренних (вызвали упадок) и внешних (спровоцировали крушение) социальных процессов [11, с. 22–24]. Роль христианства в интерпретации Э. Гиббона оценивается следующим образом: «Ускорение падения Римской империи (как результат введения христианства) органически сочетается с ослаблением его стремительности (как результат торжества христианства) и смягчением нравов варваров (как результат их христианизации)» [11, с. 20].

Важность этих исследований и в том, что, помимо биографических данных о Э. Гиббоне, они содержат и подробный обзор новейшей историографии по проблеме. Вместе с тем, взгляды Гиббона в контексте социально-психологической интерпретации истории в этих работах не рассматриваются.

В рамках данной статьи обратим внимание на проблемы социально-психического в интерпретации Э. Гиббона. С одной стороны, попытаемся дать им общую характеристику, с другой – обратимся к конкретной проблеме исторической судьбы политеизма в интерпретации Гиббона. Исходим мы при этом из того, что информация, заключённая в его известной работе, гораздо многограннее и позволяет говорить об анализе им и социально-психологического аспекта человеческой истории. Огромный массив фактического материала оказался «сильнее» рационалистических установок XVIII века.

Заявленная установка позволяет взглянуть на саму проблематику просветительской парадигмы под несколько другим углом зрения. Да, рационалистические, дедуктивные в своей основе, принципы Просвещения одномерны. Но практика «сложнее» общих установок, конкретно-исторический материал несёт в себе более ёмкую информацию, которая «не заявлена» в исследовании, но всё равно в нём присутствует. В пол-

ной мере это относится и к научному наследию Э. Гиббона.

Обратим внимание на наиболее интересные моменты рефлексии Э. Гиббона в плане интересующей нас тематики.

В исследовании Э. Гиббона присутствует восприятие исторического процесса как сложной, многоуровневой системы.

Мы видим попытку описать основные «политические тенденции», объясняющие специфику протекания исторического процесса на протяжении почти двух тысяч лет. Конечно, современный терминологический аппарат ещё отсутствует, но сама установка вполне прагматична и отражает восприятие Э. Гиббоном не процесса распада Римской империи, а течения исторической действительности, истории «всего человеческого рода», в центре которой ряд сложных и самодостаточных социальных систем: «Восточная империя», «британский мир», «христианский мир».

Масштабность и длительность протекания этих процессов ещё настолько велики, что XVIII век интуитивно пытается их сузить, отождествить с чем-то знакомым и хорошо описанным. Так, на наш взгляд, учёный и пришёл к этому понятию – «римский мир» [2, с. 117; 4, с. 330], – причём растянутому на две тысячи лет.

Характерно, что Ф. Мейнеке, зафиксировав ограниченность использованных Э. Гиббоном «каузально-механических и моральных понятий», отметил тем не менее, что учёный исходил в своей концепции из восприятия «сообщества народов, христианско-западных наций» [15, с. 181, 179].

Основным субъектом исторического процесса у Э. Гиббона выступает уже некая «социальная общность», хотя характерологические признаки этого понятия ещё размыты.

Весь массив фактической информации учёный группирует вокруг определённых «целостностей», которые развиваются изнутри, приходят в столкновение друг с другом. Упоминание о «нравах и состоянии» [2, с. 110], «формах общежития» [2, с. 260] подчёркивает «самость», внутреннее единство таких социальных систем. То, что это

внешние по отношению друг к другу субъекты, хорошо заметно. Более того, процесс переселения различных народов, племён, союзов без этого историко-социологического допущения описать просто невозможно. Э. Гиббон это прекрасно ощущал и активно использовал в своём исследовании.

Э. Гиббон пытается определить и «стержень» того или иного социума. Так, все уроженцы Италии, в конце концов, «слились в одну великую нацию, связанную единством языка, нравов и гражданских учреждений» [2, с. 72]. В целом «основы римского величия» связываются им с «привычками воспитания и религиозными предрассудками» [5, с. 170].

Вместе с тем понятие «римская национальность» всё равно остаётся у учёного очень вариативным. «Римлянин поселяется повсюду, где он совершил завоевание, – верность этого замечания Сенеки подтверждается историей и опытом», – подчёркивает он [2, с. 81]. В таком контексте на первый план выходят внешние, «формальные параметры» (например, «однообразная система искусственного чужеродного воспитания»), историко-психологическое «прячется», словно боясь рационализма XVIII века.

В целом же можно констатировать, что при анализе динамических моделей сообществ людей у Э. Гиббона уже присутствует и понятие внутренней структуры, и параметр внешнего окружения. «Именно в этом состоит уникальная специфика гуманитарных систем» [16, с. 275]. А значит, можно анализировать и проблему самоорганизации в человеческих сообществах.

Далее, Э. Гиббон пытается охарактеризовать тот «стержень», который делает ту или иную общность единой, причём здесь он прочно вступает на почву «социально-психического».

Предполагается некая единая для всех общностей социально-психологическая структура: «влияние инстинкта более определённее и более однообразно, чем влияние рассудка». Базовые параметры у всех одни, но конкретно-исторические обстоятельства придают им национальную специфику. В духе общих установок Просвещения Э. Гиббон считал, что «разнообразие характе-

ров», которым отличаются цивилизованные народы земного шара, можно приписать «пользованию и злоупотреблению рассудком», который придаёт разнообразные формы и искусственное содержание «нравам и мнениям» и европейцев, и, например, китайцев. Таким образом, отличия социумов носят исторический характер, не связаны с биолого-эволюционной доминантой. Тон задают «нравственные мотивы», которые вместе с «пищей и климатом» и способствуют «образованию и поддержанию национального характера» [4, с. 102].

С одной стороны, идея традиционна, связана с социальной статикой: характерно, что «добродетель и мудрость» талантливых императоров направлены именно на охрану «форм гражданского управления». С другой стороны, Э. Гиббон пытался, хотя бы внешне, связать проблему с неформальными параметрами, характеризующими общественную динамику. «Пока Рим и Италия пользовались уважением, подобающим центру правительственной власти, национальный дух поддерживался старыми гражданами и незаметным образом впитывался в умы новых» [2, с. 122, 199].

Интуитивно учёный видел систему более сложной, её самодетерминация не совпадала с усилиями власти в сфере гражданского администрирования. Признание вариативности психофизической структуры социумов Э. Гиббон, по нашему мнению, – важный момент, так как он позволяет смотреть на любую человеческую общность более гибко, признавая социально-психологический характер этого феномена.

Кроме того, у Э. Гиббона присутствует проблема социально-психологической организации индивида, проблема, на наш взгляд, связанная с идеей техники духовных упражнений.

Трудно ожидать от Просвещения развёрнутого анализа психофизиологической компоненты человеческого бытия, но общая установка, а это для нас принципиально, у Э. Гиббона присутствует. Им отмечается влечение к удовольствиям и влечение к деятельности. «Такой характер, в котором оба эти влечения соединяются и действуют сообща, по-видимому, даёт самое

законченное понятие о человеческой натуре» [3, с. 34]. Присутствуют понятия «образ жизни», «душевное настроение», «душевная энергия» [3, с. 64, 102, 65]. Таким образом, любые индивиды, как и любые другие биологические системы, «совершенно определённо функционируют вдали от равновесия» [16, с. 42]. Регулируется такая система с помощью различных духовных техник.

Соответственно, инструменты, позволяющие контролировать названные стороны человеческой природы, «балансировать» их при необходимости, и дают нам ключ к организации внутренней природы человека, к скрытым возможностям человеческого организма. В своей работе учёный эту проблему, пусть неосознанно, но затрагивает.

Интерес представляет то, как воспринимаются Э. Гиббоном сам феномен духовной практики, идея «внутренней дисциплины». И имподчёркивается, что человеческие «страсти» [2, с. 252; 3, с. 38; 6, с. 83], «страсть души» [3, с. 169] определяющие для любого индивида, их просто необходимо балансировать. Таким образом, любой индивид – нестабильная система по определению. Эту проблему на уровне социумов необходимо как-то решать. Социально-психологическая проблематика властно «стучится» в рационалистические двери XVIII века.

Наконец, Э. Гиббон обращает внимание на первичный структурный феномен в сфере социально-психического, которым для него стал политеизм. Это «первая» форма религий древнего мира.

Множественность систем, которые в науке традиционно называют «религиозными», для Э. Гиббона уже данность. Присутствуют термины «иностранские религии», «национальная религия». Исторически пальму первенства занимают религии политеистические, «языческие религии» [3, с. 18], к анализу которых он и обращается в первую очередь.

Итак, религиозная система, это то, что – вслед за Е. А. Торчиновым – стабилизирует социальный агрегат по психофизическим параметрам. Один из основных духовных «стержней» человеческого бытия.

С нашей точки зрения, восприятие Э. Гиббоном феномена религиозной системы многогранно и предполагает структуру. Обращается внимание и на формальные (культ), и на неформальные стороны явления (систему воздействия, суггестии). «Религия древних народов не была лишь умозрительной доктриной, преподаваемой в школах или проповедуемой в храмах. Бесчисленные божества и обряды политеизма были тесно связаны со всеми деловыми занятиями и со всеми удовольствиями общественной и частной жизни; по-видимому, не было возможности уклониться от их исполнения, не отказавшись вместе с тем от всяких сношений с другими людьми, от всяких общественных обязанностей и развлечений» [3, с. 19].

Учёный обращает внимание на факт того, что даже политеистические религии, с одной стороны, включали в себя инструменты психологического воздействия, официально связанные с культом или образом жизни, а с другой стороны, предполагалась мнемоническая бытовая сторона обрядности, то есть техника внушения на уровне повседневной жизни, не осознаваемая своими носителями. Именно в таком контексте, по нашему мнению, взгляды учёного выглядят более убедительно, позволяют непротиворечиво интерпретировать накопленный им материал.

К группе подобных мероприятий учёный относит жертвоприношения, общественные зрелища, застолья, культовые мероприятия (от свадеб до похорон), культовые же аспекты искусства и ремесла, даже общий «фон» культурно-исторического развития [3, с. 19–20; 4, с. 202]. Все они, так или иначе, в виде эстетического или этического воздействия, в виде молебнов, обусловленных определённой обстановкой воспоминаний, поведенческих стереотипов, культурных и образовательных привычек, способствовали определённой «магнетизации» социума, работали на уровне подсознания, или менталитета, как сказали бы мы сейчас. «Последователи установленной религии бессознательно исполняли и в общественной, и в частной жизни суеверные религиозные обряды, к которым их привязывали

воспитание и привычка», – подчёркивает учёный [3, с. 21].

Вместе с тем Э. Гиббон отмечает: «В популярных религиях Греции и Рима мы усматриваем несколько существенных недостатков». С одной стороны, его замечания связаны с догматикой: система мифологии расплывчата, «описание ада» почти не задействует мотивацию, «идея о будущей жизни» вторична.

С другой стороны, заметен аналитический компонент его рассуждений, который соотносится с недостатками инструментов воздействия на социум. Политеистические системы «не заставляли» индивида включаться в осмысленный процесс, достаточно было «просто сочувствовать». С этой точки зрения, инициатива политеизма постепенно теряется, энергия «рассеивается в пустоту». Слабость политеизма объяснялась «умеренностью его притязаний», благочестие язычников совмещалось с самым «необузданным скептицизмом». Более того, подчёркивал Э. Гиббон, мифология греков не представляла нераздельной и правильной системы, способной подчинить себе все умственные способности верующего, а состояла «из тысячи отдельных и гибких частиц», так что «поклонник богов мог по своему произволу определять степень и меру своих религиозных верований». Особенности также связаны и с условиями отправления культа, и положением «духовного сословия», которое в ряде случаев сводилось к группам «фанатиков», странствовавших, например, по Египту и Сирии, и пользовавшихся «легкомысленным суеверием черни» [3, с. 22, 347, 250, 49]. Говорить в таком контексте о системе воздействия можно только условно.

Е. А. Торчинов, один из крупнейших специалистов в своей области, обращает внимание как раз на то, что политеизм в сущностной своей части – это мистериальные культы [19, с. 60]. Это, на наш взгляд, и делает всю систему слабой. Так, в Древней Греции, например, были в том числе и школы с мистикосозерцательной и мистериальной ориентацией, которые в основном и поддерживали учение о метампсихозисе. Но центральной религиозной доктри-

ной такое учение стать просто не могло, так как статус психотехники в нём сильно «размыт»: «она наличествовала в элементарном состоянии в качестве вторичной составляющей мистериальных культов и изотерических религиозно-философских учений» [19, с. 275].

Ситуация внутри римского социума в интерпретации Э. Гиббона была, по нашему мнению, подобной. Служителями политеизма здесь выступали «люди благородного происхождения», обязанности, связанные с отправлением культа, принимали на себя «в виде почётного отличия», древние обряды исполняли «с холодным равнодушием», «сообразуясь с законами и обычаями своего детства». Есть традиция, но нет системы, тем более воспроизводимой. Более того, «существенной частью политеистического культа» в Древнем Риме были именно «удовольствия» [3, с. 49–50, 82]. Хотя Э. Гиббон фиксирует феномен «мистерий» [3, с. 70, 348; 4, с. 62, 235–236], в том числе конкретно упоминает и «элевсинские мистерии», но анализа этого феномена не даёт.

На момент анализа текущей ситуации в работе Э. Гиббона положение политеизма видится уже уязвимым. Связано это с тем, что «существование различных вариантов выбора влияет на несущую способность системы» [16, с. 277]. А вот этих-то вариантов политеизм предоставить уже не мог.

Во II главе работы Э. Гиббона «О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в век Антонинов» обращается внимание на то, что для политеизма времён расцвета Рима характерна «религиозная терпимость». Позволим себе длинную цитату: «Все многообразные виды богослужения, существовавшие в римском мире, были в глазах народа одинаково истинны, в глазах философов одинаково ложны, а в глазах правительства одинаково полезны. Таким образом, религиозная терпимость порождала не только взаимную снисходительность, но даже религиозное единомыслие. Суеверие народа не разжигалось какой-либо примесью теологического озлобления и не стеснялось оковами какой-либо спекулятивной системы. Хотя благочестивый политеист и был страстно привязан

к своим национальным обрядам, это не мешало ему относиться с безотчётным доверием к различным религиям земного шара» [2, с. 75].

Такие «национальные обряды» можно отнести к культам на последней стадии своей эволюции, а это уже тип культов, «утративших и прямую, и косвенную связь с глубинным религиозным опытом и в предельном случае затрагивающих лишь эмоциональную сферу верующего» [19, с. 96]. Таким образом, по первоначальному назначению они уже «не работают».

Характерно, что оборотной стороной подобной ситуации была социально-психологическая индифферентность социума, нейтральность его формальных параметров, «внутреннее спокойствие и согласие», «религиозная гармония» [2, с. 89; 3, с. 7]. Причём «в отсутствие каких-либо сильных возмущений картина остаётся устойчивой неопределённо долгое время» [16, с. 280].

Разнообразные варианты политеистических культов Э. Гиббон обозначает термином «суеверие» [2, с. 78; 3, с. 7; 4, с. 189, 195; 5, с. 102]. Эта установка фиксирует тот факт, что свой анализ римского социума учёный начал в период его духовного упадка, когда неформальные моменты, скрепляющие «людовую связь» в духовной сфере, уже исчезли или находятся в состоянии разрушения. «Суеверия» не активны как социальные феномены, они не могут «влиять», могут только «защищаться». Так, «достоинство» и «влияние» римских жрецов, жреческого сословия по прошествии времени охраняется только «местными законами и нравами». Этим объясняется общая «невзыскательность политеизма».

Вся система возможной интерпретации духовного в рамках Просветительской парадигмы здесь отчётливо присутствует. Обращается внимание на то, что религия воспринималась в контексте «пользы» «в её связи с гражданским управлением». Гиббон в своём определении исходит из того, что «та форма суеверия, которая освящена временем и опытом, есть самая пригодная для климата страны и для её жителей» [2, с. 77].

Восприятие социумом религии как духовного феномена уже формально,

почти всё определяет традиция. Так, «каждый город имел право поддерживать свои древние религиозные церемонии во всей их чистоте». Политеистические религии, по мнению, Э. Гиббона, приспособляются к чувствам верующих, но при этом «вера идолопоклонника» постоянно подвергается воздействию постоянных и неизбежных случайностей. «Почти невозможно, чтобы при всяком расположении ума он сохранял своё безотчётное уважение к идолам или к мощам, которых нельзя отличать ни зрением, ни осязанием от самых обыкновенных произведений искусства или природы» [4, с. 201].

Рациональное, чисто внешнее видение проблемы Э. Гиббон не позволяет, по нашему мнению, говорить о каком-то варианте типологии структуры данного социально-психологического феномена, но задействованный им фактический материал более емкий. По сути, Э. Гиббон обращает внимание на то, что в рамках политеизма культ вторичен, внешняя атрибутика не принципиальна. «И греки, и римляне, и варвары, собираясь у своих алтарей, без труда приходили к убеждению, что, несмотря на различие названий и церемоний, они поклоняются одним и тем же божествам, а изящная гомеровская мифология придала политеизму древнего мира красоту и даже некоторую правильность формы» [2, с. 76].

Это можно, на наш взгляд, связать с тем, что в системе координат политеистической религии на первом плане ещё практика психологических упражнений, осовременивая – техника погружения индивида в трансперсональное состояние. Сторонний наблюдатель, да ещё современник описываемых событий, её просто «не видит». Конечно, следует различать подготовленных адептов такой религиозной системы, владеющих специальными навыками, и «бытовой уровень» носителей политеизма, порой от этого весьма далёкий. Однако общая установка в таком контексте более многомерная.

Вместе с тем Э. Гиббон не мог пройти и мимо такого момента политики в сфере духовного, как религиозные преследования. Римская власть не терпела на контролируемой территории

альтернативных центров, претендующих на распространение своих мистических школ, тех самых «духовных техник». Так, хотя сами жрецы (служители культа с формальной точки зрения), боги и алтари друидов как реликт традиции сохранились, но само «опасное могущество друидов» [2, с. 78] было уничтожено ещё при императорах Тиберии и Клавдии. Конечно, источник не мог зафиксировать важность процесса уничтожения «систем духовных упражнений», но ощущение угрозы от структур, которые их транслировали, анализируемый Э. Гиббоном текст сохранил.

Таким образом, можно сделать вывод, что «историческая слабость» любого варианта политеистической системы заключалась в её избранности, в небольшой прослойке адептов, имеющих навыки психической тренировки. Кроме того, механизм воздействия на социум также был недостаточно эффективен: культ был специфичен, система социально-психологических установок расплывчата, не предполагала тотального контроля в рамках конкретной общности, сама система координат опиралась больше на традицию, «старинные обычаи» [3, с. 315], чем на осознанную технику тренировки.

Политеизм как духовный феномен подтверждает, что любая социально-историческая система «представляет собой уникальную реализацию некоторого сложного стохастического процесса, для которого никоим образом невозможно установить правила заранее» [16, с. 276]. Как только при формальном господстве политеизма в систему ввели «новый вид деятельности», её вариативность развития в социально-психологической плоскости резко возросла. Возникло «несколько ветвей решений со сложным набором бифуркационных явлений» [16, с. 279]. Поэтому политеизм и «проиграл».

В заключение констатируем, что у Э. Гиббона присутствует и анализ «второй» формы религий древнего мира, монотеистических систем, в частности иудаизма, ислама и христианства.

Анализ последним именно христианства как социально-психологическо-

го феномена, по нашему мнению, настолько многосторонен, что сохраняет теоретическую значимость вплоть до настоящего времени. Это тот новый вид духовной «деятельности» индивида, который взорвал стабильный мир политеизма.

С этой точки зрения, интерпретация научного наследия Э. Гиббона в заявленной плоскости заслуживает дальнейшего внимания.

Библиографический список

1. Борхес Х. Л. Эдуард Гиббон. Страницы истории и автобиографии. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Произведения 1970–1979 годов. – СПб., 2005. – С. 387–393.
2. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I. Главы I–XIV. – СПб. : Наука, Ювента, 1997. – 428 с.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. II. Главы XV–XXIII. – СПб. : Наука, Ювента, 1997. – 384 с.
4. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. III. Главы XXIV–XXXIV. – СПб. : Наука, Ювента, 1998. – 404 с.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. IV. Главы XXXV–XLIII. – СПб. : Наука, Ювента, 1998. – 404 с.
6. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. V. Главы XLIV–L. – СПб. : Наука, 2004. – 344 с.
7. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. VI. Главы LI–LX. – СПб. : Наука, 2004. – 374 с.
8. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. VII. Главы LXI–LXXI. – СПб. : Наука, 2004. – 422 с.
9. Ерофеев Н. А. Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа // Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 71–79.
10. Живаева Л. Н. Анафония в русской художественной прозе (Н. В. Гоголь, А. Белый, М. Горький). – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 189 с.
11. Камнев С. Н. Историческая концепция Эдуарда Гиббона : авторефер. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2010. – 25 с.
12. Крест К. Эдуард Гиббон (1737–1794) // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I. Главы I–XIV. – СПб., 1997. – С. 8–18.
13. Косминский Е. А. Историография средних веков. V – середина XIX вв. – М. : Изд-во Московского университета, 1963. – 431 с.
14. Мейендорф И. Ф. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. – Минск : Лучи Софии, 2001. – 334 с.

15. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 480 с.
16. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. – М. : Мир, 1990. – 344 с.
17. Попов Б. С. Эдуард Гиббон – историк, писатель и мыслитель эпохи Просвещения (1737–1794) // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 177–195.
18. Просветительское движение в Англии / под ред. Н. М. Мещеряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 445 с.
19. Торчинов Е. А. Религии мира : опыт за пределами. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. – 541 с.
20. Фролов Э. Д. Предисловие к новому русскому изданию «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I. Главы I–XIV. – СПб., 1997. – С. 5–7.
21. Шарифжанов И. И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 240 с.
22. Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX веков. – М. : МПУ, 2001. – 228 с.
23. Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения истории. Российская историография последней трети XIX – первой половины XX вв. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 360 с.
24. Яснитский Н. А. Проблема падения Римской империи. Эдуард Гиббон : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 233 с.
25. Bond H. L. The literary art of Edward Gibbon. – Oxford : Clarendon press, 1960.
26. Braudy L. Narrative form in history and fiction. Hume, Fielding & Gibbon. – Princeton (N. J.) : Princeton university press, 1970.
27. De Beer G. R. Gibbon and his world. – London : Hames and Hudson, 1968.
28. Edward Gibbon and the decline and fall of the Roman Empire / ed. by G. W. Bowersock. – Cambridge (Mass.)–London : Harvard university press, 1977.
29. Jordan D. P. Gibbon and his Roman empire. – Urbana : University of Illinois press, 1971.
30. McCloy Sh. T. Gibbon's antagonism to Christianity and the discussions that it has provoked. – Chapel Hill, 1933.
31. Oliver E. J. Gibbon and Rome. – London–New York : Sheed and Ward, 1958.
32. Swain J. W. Edward Gibbon, the historian. – London : Macmillan; New York : St. Martin's press, 1966.
33. The Transformation of the Roman world. Gibbon's problem after two centuries / ed. by Lynn White. – Berkeley–Los Angeles : University of California press, 1966.

Bibliograficheski spisok

1. Borhes H. L. Jeduard Gibbon. Stranicy istorii i avtobiografii. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 3. Proizvedenija 1970–1979 godov. – SPb., 2005. – S. 387–393.
2. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. I. Glavy I–XIV. – SPb. : Nauka, Juventa, 1997. – 428 s.
3. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. II. Glavy XV–XXIII. – SPb. : Nauka, Juventa, 1997. – 384 s.
4. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. III. Glavy XXIV–XXXIV. – SPb. : Nauka, Juventa, 1998. – 404 s.
5. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. IV. Glavy XXXV–XLIII. – SPb. : Nauka, Juventa, 1998. – 404 s.
6. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. V. Glavy XLIV–L. – SPb. : Nauka, 2004. – 344 s.
7. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. VI. Glavy LI–LX. – SPb. : Nauka, 2004. – 374 s.
8. Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. VII. Glavy LXI–LXXI. – SPb. : Nauka, 2004. – 422 s.
9. Erofeev N. A. Anglijskoe Prosveshhenie i istoricheskaja mysl. Shotlandskaja shkola // Istoriografija istorii novogo vremeni stran Evropy i Ameriki / pod red. I. P. Dementeva. – M. : Vysshaja shkola, 1990. – S. 71–79.
10. Zhivaeva L. N. Anafonija v russkoj hudozhestvennoj proze (N. V. Gogol, A. Belyj, M. Gorkij). – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 189 s.
11. Kamnev S. N. Istoricheskaja koncepcija Jeduarda Gibbona : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Omsk, 2010. – 25 s.
12. Krist K. Jeduard Gibbon (1737–1794) // Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. I. Glavy I–XIV. – SPb., 1997. – S. 8–18.
13. Kosminskij E. A. Istoriografija srednih vekov. V–seredina XIX vv. – M. : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1963. – 431 s.
14. Mejendorf I. F. Vizantijskoe bogoslovie. Istoricheskie tendencii i doktrinalnye temy. – Minsk : Luchi Sofii, 2001. – 334 s.
15. Mejneke F. Voznikovenie istorizma. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. – 480 s.
16. Nikolis G., Prigozhin I. Poznanie slozhnogo. Vvedenie. – M. : Mir, 1990. – 344 s.
17. Popov B. S. Jeduard Gibbon – istorik, pisatel i myslitel jepohi Prosveshhenija (1737–1794) // Novaja i novejsaja istorija. – 1993. – № 3. – S. 177–195.

18. Prosvetitel'skoe dvizhenie v Anglii / pod red. N. M. Meshherjakovoj. – M.: Izd-vo MGU, 1991. – 445 s.
19. Torchinov E. A. Religii mira: opyt zapredelnogo. Psihotehnika i transpersonalnye sostojanija. – SPb.: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005. – 541 s.
20. Frolov Je. D. Predislovie k novomu russkomu izdaniju «Istorii upadka i razrushenija Rimskoj imperii» Jeduarda Gibbona // Gibbon Je. Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii. Ch. I. Glavy I–XIV. – SPb., 1997. – S. 5–7.
21. Sharifzhanov I. I. Anglijskaja istoriografija v XX veke. Osnovnye teoretiko-metodologicheskie tendencii, shkoly i napravlenija. – Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004. – 240 s.
22. Shuvalov V. I. Socialno-psihologicheskij aspekt izuchenija istorii v rossijskoj istoriografii poslednej treti XIX – pervoj poloviny XX vekov. – M.: MPU, 2001. – 228 s.
23. Shuvalov V. I. Socialno-psihologicheskij aspekt izuchenija istorii. Rossijskaja istoriografija poslednej treti XIX – pervoj poloviny XX vv. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 360 s.
24. Jasnitskij N. A. Problema padenija Rimskoj imperii. Jeduard Gibbon: dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2002. – 233 s.
25. Bond H. L. The literary art of Edward Gibbon. – Oxford: Clarendon press, 1960.
26. Braudy L. Narrative form in history and fiction. Hume, Fielding & Gibbon. – Princeton (N. J.): Princeton university press, 1970.
27. De Beer G. R. Gibbon and his world. – London: Hames and Hudson, 1968.
28. Edward Gibbon and the decline and fall of the Roman Empire / ed. by G. W. Bowersock. – Cambridge (Mass.)–London: Harvard university press, 1977.
29. Jordan D. P. Gibbon and his Roman empire. – Urbana: University of Illinois press, 1971.
30. McCloy Sh. T. Gibbons antagonism to Christianity and the discussions that it has provoked. – Chapel Hill, 1933.
31. Oliver E. J. Gibbon and Rome. – London–New York: Sheed and Ward, 1958.
32. Swain J. W. Edward Gibbon, the historian. – London: Macmillan; New York: St. Martins press, 1966.
33. The Transformation of the Roman world. Gibbons problem after two centuries / ed. by Lynn White. – Berkeley–Los Angeles: University of California press, 1966.

© Шувалов В. И., 2015